

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.38>

Сайкина Гузель Кабировна, Краснов Антон Сергеевич

СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ МОРАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ НАУКИ: ОТ ЭТИЧЕСКОЙ ИНДИФФЕРЕНТНОСТИ К ЭТОСУ ГЕРМЕНЕВТИКИ

В статье выявлены эпистемологические причины этической индифферентности или нагруженности науки, заложенные в исторических особенностях понимания истины, субъекта и объекта научной деятельности. Выстроенная в логике целерациональности классическая модель внесоциального субъекта познания не допускала в науку мораль в качестве регулятора межлических отношений. С учетом современного понимания истины как коммуникативности и intersubjectивности впервые введен концепт "этос герменевтики", призванный стать наряду с "культурой рациональности" одним из базовых принципов этоса науки. Выдвинута идея необходимости конституирования этической эпистемологии как раздела социальной эпистемологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/38.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 193-197. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

10. Лефевр А. Производство пространства. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
13. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
14. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. 462 с.
15. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 604 с.
16. Тен А. Ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. 240 с.
18. Searle J. R. The Construction of Social Reality. N. Y.: First Free Press Edition, 1995. 247 p.

MYTHOLOGICAL TIME AND SPACE AS FACTORS OF INSTITUTIONAL FORM-GENERATION AND REPRODUCTION

Ryabtsev Sergei Viktorovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kirillov Pavel Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Dubna International University, Dubna
matilda-9972@mail.ru; kirillov_pe@mail.ru

The article analyses mythological time and space as factors of institutional form-generation and reproduction. It is shown that social myth ensures transitivity and expansion of institutional life forms, determines dynamics of the stable forms of social life actualizing the variability of temporal shifts. The paper identifies the role of mythological time and space while constructing actual social reality. The authors introduce a conception of a mythological meta-code, which binds together time and space into perceptual whole. The conclusion is made that conceptual-mythological space-time is a basic factor of reproduction and maintenance of institutional relations.

Key words and phrases: social myth; institution; perceptual time; conceptual time; meta-code; picture of reality; transpositivity; structuration; non-projectivity.

УДК 1; 001:165:172

Дата поступления рукописи: 12.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.38>

В статье выявлены эпистемологические причины этической индифферентности или нагруженности науки, заложенные в исторических особенностях понимания истины, субъекта и объекта научной деятельности. Выстроенная в логике целерациональности классическая модель внесоциального субъекта познания не допускала в науку мораль в качестве регулятора межчеловеческих отношений. С учетом современного понимания истины как коммуникативности и интерсубъективности впервые введен концепт «этнос герменевтики», призванный стать наряду с «культурой рациональности» одним из базовых принципов этоса науки. Выдвинута идея необходимости конституирования этической эпистемологии как раздела социальной эпистемологии.

Ключевые слова и фразы: моральное измерение; этика; наука; социальный институт; рациональность; эпистемология; культура; этос герменевтики.

Сайкина Гузель Кабировна, д. филос. н., доцент
Краснов Антон Сергеевич, к. филос. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
gusels@rambler.ru; anton-krasnov1987@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ МОРАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ НАУКИ: ОТ ЭТИЧЕСКОЙ ИНДИФФЕРЕНТНОСТИ К ЭТОСУ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Введение

В одном из интервью Сергей Капица, рассуждая о советской науке, сравнил ее функционирование с варкой в скороварке. Когда варка осуществляется под закрытой крышкой, – это происходит интенсивно, но при открытии крышки все выплескивается наружу. Однако ведь выплескиваться может с силой, опасной для всех. Данная аналогия верно отражает черты «закрытой рациональности» (В. С. Швырев [9]). Возможно, истины легче достичь при закрытом способе, обособленно от других социальных институтов и форм культуры. Но наука не может быть стерильной; вне общества и культуры она теряет свой смысл существования.

Выплеск науки в культуру в глобальном масштабе обернулся техноцентризмом, дегуманизирующим человека и культуру. Человек (и вне науки, и внутри нее) становится механичным, роботообразным. Расширение его искусственных органов привело к упрощению самого мышления, к его инструментальности, заключающейся в потребительском отношении ко всему как к средству решения проблем – вне ценностного уровня осмысления.

Современный моральный и институциональный кризис науки обнаруживает в ней разрушительную сущность. Наука с ее претензией на рационализацию всех сторон жизни вырождается в «наиболее агрессивный и наиболее догматический религиозный институт» [7, с. 450]. Диктат истины оборачивается против самой науки: он может уничтожить научный поиск и творчество, продуктивный обмен идеями, самокритичность и ответственность.

Итак, экспансия науки привела к тому, что наука, будучи сама формой культуры, стала противостоять ей как внешняя сила, развиваться в противоположном ее функциям векторе. Контропозиция науки и культуры означает формальное возвращение к принципам «закрытой рациональности», несмотря на тотальную инкорпорированность науки в современную культуру и общество. В лучшем случае ее противостояние культуре происходит в логике оппозиции «цивилизация и культура». При этом важно, что в условиях господства цивилизации над культурой уже нельзя апеллировать, по словам В. А. Кутырёва, «к чести, долгу, совести, благородству» [2, с. 11]. Полагаем, что тем самым сегодня актуальна артикуляция положения о том, что наука нуждается во вторичном окультуривании, возделывании.

Продуктивным может быть призыв В. С. Швырева к «культуре рациональности», подразумевающей под собой единство «доосевого» и «осевого» компонентов рациональности, самоосновность и полнораспространенность форм сознания. Однако вряд ли можно уповать только на нее. Дело в том, что критика науки была экстраполирована на рациональность как таковую, которая стала выхолащиваться в «рассчитывающее мышление». Возникла опасная метаморфоза: *бескорыстность* Истины замещается на *полезность* Истины.

Большую роль в возделывании науки может сыграть этика науки. Прививка морали, в которой сильны эмоциональная и аксиологическая стороны, к научному древу призвана быть лекарством от дегуманизации науки. Ценности могут стать объединяющей силой науки и культуры. Важно, что в эпистемологии речь идет традиционно лишь о ценностных *предпосылках* научного познания. Однако роль этоса науки не может быть ограничена лишь предпосылочной функцией. Моральное измерение современной науки вторгается в основания когнитивности. В связи с этим сегодня **актуальна**, на наш взгляд, переформулировка кантовского вопроса о пределах научного познания в ценностном ключе: «Что мне можно (позволено) знать? Во имя чего я должен знать? Как мы должны распорядиться научным знанием?».

Авторами статьи ставилась **задача** доказательства эпистемологической обусловленности процесса конституирования морального измерения науки. Дело в том, что анализ этоса социального института науки (несмотря на обилие работ, например: [3; 6; 8; 10]), как правило, не сопрягается с артикуляцией эпистемологической подоплеку данного процесса. Это может быть объяснено разведением проблем этики науки и эпистемологии в разные предметные области, а также относительно начальным этапом институционализации социальной эпистемологии и отрывом ее от социально-философского дискурса. Полагаем, что на вопрос «Как возможна современная этика науки?» может быть дан следующий ответ: «Этика науки может развиваться как этическая социальная эпистемология». Данная идея лежит в основании нашего исследования и обуславливает его **научную новизну**. Вследствие господства современного подхода к истине как к социальной конструкции авторы впервые вводят концепт «этос герменевтики» и определяют его наряду с «культурой рациональности» в качестве фундамента этической эпистемологии.

Эпистемологические основания этически нейтрального образа науки

Классическая наука, как известно, позиционируется как ценностно нейтральная. Однако наука как продукт социального заказа техногенной цивилизации по определению не могла быть таковой. И дело не только в том, что в науке главной ценностью является Истина. В науке изначально видели функцию практического изменения мира. Ф. Бэкон возвестил о новом принципе культуры: «Знание – сила». По существу идеал ценностной, этической нейтральности науки – сам продукт определенной идеологии, ценностной установки, так как выгоден был тем, кому в первую очередь нужны были научные открытия, имеющие быстрый производственный эффект. Мораль же, несмотря на ее общественную природу, избыточна для социальности. Она могла быть препятствием для научного производства и извлечения быстрой прибыли. Иначе говоря, быстрый непосредственный результат не должен был тормозиться угрызениями совести.

Заметим, что изначально наука институционализировалась противоречивым образом: не путем навязывания своих ценностей обществу и их узаконения, а путем провозглашения невмешательства в деятельность господствующих институтов («в богословие, метафизику, мораль, политику, грамматику, риторику и логику», как было отмечено в уставе Лондонского королевского общества естествоиспытателей). Таким способом институционализировался идеал свободной от ценностей науки, который служил гарантией объективности познания и достижения беспристрастной истины.

Считаем, что идеал ценностно нейтральной, свободной от этических установок науки строго коррелировал с эпистемологическими принципами. И это не просто случайная, а сущностная связь. Рефлексия классической науки осуществлялась строго в рамках гносеологического подхода, вне социокультурных параметров, обуславливающих возможность построения этики научного общения, – как чисто когнитивного образования, *истинного знания* (в субъект-объектной плоскости), но не как деятельности (в субъект-объект-субъектной плоскости) и коммуникации (в субъект-субъектной плоскости). Истина (в соответствии с господствовавшей корреспондентной теорией истины) *бескорыстна*, свободна от соображений выгоды, ценностно-моральных установок, интересов, способных исказить объективный порядок вещей. Истина рассматривалась в качестве онтологичной, в связи с чем ответственность с ученого была в определенной мере «снята».

В целом закрытой рациональностью продуцировался гносеологический оптимизм. В ее основании лежит модель разума, редуцирующая его, по сути, к рассудочному (*отражательному*) уровню. Метафизическая сторона рациональности при этом игнорируется. Разум гносеологичен, но не аксиологичен. Кроме того, монолизм закрытой рациональности устанавливал приоритет единственной точки зрения в вопросе истины (вне ее интеллектуальной и моральной оценки). Такой рациональности хватало одной ценности – Истины. Этнос же – излишнее образование, препятствие для прозрачности мира как идеала познания.

Считаем, что этически нейтральный образ науки не в последнюю очередь был обусловлен классической моделью субъекта познания. Во-первых, она базировалась на концепции *трансцендентального субъекта* (абстрактного, обезличенного – *неошибающегося* – субъекта познания, независимого от условий познания), гарантирующей возможность достижения Истины. При этом важно следующее: внечеловечный субъект – Разум как таковой – рассматривался как абсолют, совершенство, а потому не мог быть аморальным. Всеобщему субъекту соответствовал и генерализирующий метод объяснения, метод вне ценностей и «сердца». Во-вторых, в основании эпистемологии действовал принцип «познаю подобное подобным» – принцип родственности разума мира и разума человека. Человек (а тем более ученый) являлся проекцией всеобщего субъекта. Деятельность ученого рассматривалась в логике *гносеологической робинзонады и дистанцированности от мира* – как индивидуальная деятельность (так, как будто люди познают мир в одиночку). Идеал истины при этом требовал элиминации всего индивидуально-личностного, субъективного из знания – для возвышения до уровня всеобщего субъекта. В-третьих, человек (редуцированный до субъекта познания) познавал своим естеством, посредством заданных природой познавательных способностей (что было гарантией истины), а природа также не может ошибаться и нести изнутри себя аморальность. Социальные факторы познания (в том числе ценностный пласт) рассматривались как идола («призраки») познания, как то, что необходимо преодолеть. Итак, сама модель субъекта познания не оставляла места в науке для морали как способа регуляции *межчеловеческих* отношений. Субъект-одиночка не требует морали: мораль внесоциального, одинокого субъекта бессмысленна. К тому же, мораль в предельном смысле требует горизонтальности, равенности отношений, что не могло быть выполнено при редукции познавательных отношений лишь к субъект-объектному противопоставлению. В целом социальность науки рассматривалась лишь на границах с другими формами сознания и институтами (лишь как «внешняя социальность»).

Деятельность Ученого возвышалась: он, как Бог, владеет тайной мира. Он представлял как воплощенный разум, в логике целерационального субъекта: как коррелирующий свои цели, мотивы, средства с последствиями. Соответственно, если субъект разумен, значит, морален и ответственен. Профессиональное владение методом при этом позволяло избегать случайности на пути к Истине, а значит, и зла. Тем самым этика науки была не только излишней, но, можно сказать, и абсурдной.

Эпистемологической модели субъекта познания соответствовало и объективное состояние дел. Как известно, первоначально наука существовала в основном в форме индивидуальной, а не коллективной деятельности, по сути не была профессионализирована. Научный труд являлся больше актом индивидуального творчества, *трансценденции к Истине*, «индивидуальной культурной лабораторией», если использовать понятие И. Т. Касавина [1, с. 462-466]. В связи с этим вопрос об этосе науки как таковой не ставился. Речь могла идти всего лишь об индивидуальных моральных требованиях ученого к *самому себе*. Ответственность ученого воспринималась именно как личная ответственность ученого за конкретную работу – за объективность, точность результатов, добросовестность исследования, то есть не выходила за рамки гносеологического аспекта, не выражала социально-коммуникационные аспекты. Не случайно Ф. Бэкон отмечал, что у науки нет недостатков, которые вытекают бы из нравов образованных людей; в науке, как и в других слоях, есть хорошие и плохие люди. Моральность, по его мнению, зависит от личности человека, а не от его занятий. Из этих слов следует, что и речи не могло быть о какой-то особой, профессиональной морали науки.

Но дело еще и в понимании объекта познания. Созерцательная парадигма, согласно которой природные объекты рассматривались вне деятельности человека, как противостоящий предмет познания, не способствовала допуску в классическую науку целевой причины. Можно считать ее принципом известные слова Спинозы: «Природа не действует по цели». Аристотель был благополучно забыт. К тому же, отрыв познания от деятельности подспудно содержал в себе следующую установку: в деятельности человек должен думать о последствиях своих действий, а познание этого не требует. Более того, если вспомнить слова И. Канта о том, что разум подходит к изучению природы как судья, заставляющий ее отвечать на поставленные вопросы, то выходит, что природа как будто провинилась. Ученый-естествоиспытатель «пытает» виновную природу вопросами?! Принцип субстанциализма являлся своего рода оправданием вмешательства человека в дела природы: природа как субстанция самодостаточна, а потому ничего в ней не разрушишь и не совершишь зла.

Современная эпистемология как этическая эпистемология: на пути к «культуре рациональности» и этосу герменевтики

Постановке проблемы морального измерения науки мы обязаны неклассическому типу рациональности [4]. Как известно, в XIX в. начинают развиваться представления о социально-исторически обусловленном, деятельном характере познания, общественной природе со-знания. К. Маркс подошел к субъекту (в том числе познания) как к носителю общественных отношений. Субъект познания становится антропомерным: живым носителем различных духовных форм сознания (в том числе иррациональных), ценностных установок, желаний, ошибающимся, несовершенным. Он – внутри мира, природы и культуры (включен в объект познания) и потому смотрит на мир сквозь господствующую картину мира, стиль мышления, имеющие и ценностные

измерения. Не только субъект и объект историчны, но и истина и заблуждение. Модель познавательного акта значительно усложнилась.

Конституированию этики науки способствовали и разработка понятия «социальный институт» в социологии, формирование социологии знания, а также процессы, происходящие в самой науке: массовая профессионализация, приоритет социальной функции науки над другими, период «Большой науки», милитаризация науки и моральный кризис науки в середине XX века.

Надо сказать, что эпистемология XX века поместила между субъектом и объектом познания «мыслительный коллектив» (Л. Флек), вырабатывающий стиль мышления и детерминирующий индивидуальную деятельность. Социокультурные факторы функционирования науки рассматриваются теперь как эпистемологически значимые условия и предпосылки познавательной деятельности. К ним же можно отнести духовные и нравственные отношения в мыслительном коллективе (научной школы, лаборатории, кафедры, института и т.д.). Вспомним, в концепции Р. Мертона дух здоровой конкуренции становится фактором «роста удостоверенного знания» – функции науки.

В целом в этот период субъект познания выступает носителем «открытой», коммуникативной рациональности, в логике единства теоретического и практического разума. Научная деятельность предстает как диалог когнитивных практик, позиций сознания, точек зрения, то есть как социальная конструкция. Не случайно А. П. Огурцов говорит о «коммуникативном повороте философии науки» [5]. Сама истина становится *изнутри* коммуникативной и трактуется как интерсубъективность или результат договора. Следовательно, можно уже говорить о социальности самой когнитивности. Тем самым возникает возможная точка проникновения морали в структуры когнитивности.

В этой связи важной для нас является артикуляция необходимости введения этоса понимания (герменевтики) в качестве основания современного этоса науки. Метод понимания как метод истолковывания объекта с ценностно-смысловых позиций (вместе с ним герменевтика) в современной эпистемологии занимает пьедестал почета не только в социогуманитарных науках, но и в естественнонаучном познании. Во-первых, сам объект познания изменился и впускает в себя субъектность. Во-вторых, в соответствии с антропоразмерным образом природы (согласно современным принципам глобального эволюционизма, телеологичности, историзма и уникальности объекта) нередко выдвигается требование понимать природу. Оно выливается в основание экологической этики. В таком случае мы уже можем говорить не столько об этичности на уровне субъект-субъектных отношений, но и на уровне субъект-объектных отношений. В-третьих, меняется, как было уже отмечено, и отношение к истине: она открывается каждому по-разному, в определенной оптике, поэтому требуется диалог позиций. Понимание как способ ценностного осмысления изучаемого явления, посредством коммуникации, вчувствования и сопереживания, сквозь призму личностного самосознания содержит в себе этическое содержание. Как мораль предполагает умение встать на место другого человека, так и метод понимания, герменевтика. На почве науки общечеловеческий императив уважения достоинства другого человека трансформируется в этосное требование уважения и понимания другой точки зрения и проникновения в чужую позицию и интеллектуальную «кухню».

В целом можно говорить о понимании уже не столько как о методе научного исследования, сколько как о некоей базисной моральной установке и ценности науки. По существу этос понимания предполагает (вплоть до тождества) культуру рациональности, которая полагает равноправие разных форм сознания, а потому и разных интеллектуальных и ценностных позиций. В этой связи этос герменевтики (понимания) и «культура рациональности» могут быть выдвинуты в качестве основных этических ориентиров современного ученого. Полагаем, что введенный нами концепт «этос герменевтики» требует специальной дальнейшей разработки в плане определения его содержания и соотношения с другими принципами этоса науки.

Причем, вследствие наложения этического и когнитивного друг на друга, вклинивания этического в основание когнитивности проблемы этоса науки требуют разработки не только на почве собственно этики, но и на почве эпистемологии. Считаем, что это потребует конституирования этической эпистемологии как особой ветви социальной эпистемологии.

Выводы

1. Идеал этически нейтральной науки поддерживал беспристрастность истины. Посредством метода критической рефлексии объяснены эпистемологические причины этически нейтрального образа классической науки: господство принципов гносеологической робинзоны, закрытой рациональности, созерцательной и отражательной парадигмы, субъект-объектной модели познания. В целом преобладала идеализация деятельности ученых (в логике целерациональности). Модель одинокого субъекта познания не способствовала формированию морального измерения науки, этики науки.

2. Обогащение эпистемологии идеями социально-исторической природы познания и поворот от «мира идей к миру людей» является важным условием движения науки в сторону обретения морального измерения. Научная деятельность в социальных терминах может быть расценена как социальная ситуация коммуникации и взаимодействия позиций сознания. Тем самым востребованной становится выработка императивов этики науки.

3. Установлено, что в современной, социальной по своей природе, эпистемологии этическое способно внедриться в структуры когнитивного, так как поменялся подход к истине: истина рассматривается в русле коммуникативной рациональности как интерсубъективность и результат договора. В таком случае само понятие истины может быть этически содержательным. Моральность включена в познавательный акт, тем самым способна стать *производительной (социальной) силой* через движение к истине.

4. Впервые выдвинуто положение о том, что «культура рациональности» и этос герменевтики, социальные по своей сути, могут стать этосными установками и принципами современной постнеклассической науки. Современная эпистемология позиционируется как социальная эпистемология. Полагаем, что одним из ее разделов может стать этическая эпистемология.

Список источников

1. Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 557 с.
2. Кутырёв В. А. Человеческое и иное: борьба миров. М.: Директ-Медиа, 2014. 295 с.
3. Лазар М. Г. Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 4. С. 124-139.
4. На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2009. 237 с.
5. Огурцов А. П. От нормативного Разума к коммуникативной рациональности // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2005. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. С. 54-81.
6. Порус В. Этика науки в структуре философии науки // Высшее образование в России. 2007. № 8. С. 137-147.
7. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125-466.
8. Философия науки. М.: ИФ РАН, 2005. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. 341 с.
9. Швырев В. С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности: в 2-х т. / под ред. В. А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 1995. Т. 1. С. 7-29.
10. Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. М.: Academia, 2008. 544 с.

**SOCIAL MEANING OF MORAL DIMENSION OF SCIENCE:
FROM ETHICAL INDIFFERENCE TO ETHOS OF HERMENEUTICS**

Saikina Guzel' Kabirovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Krasnov Anton Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Kazan (Volga Region) Federal University
gusels@rambler.ru; anton-krasnov1987@yandex.ru

The article identifies epistemological causes of ethical indifference / ethical load of science conditioned by historical peculiarities of understanding the truth, subject and object of scientific activity. Developed within the purpose-oriented logic, a classical model of an extra-social subject of cognition abandoned the ethical component as a regulator of interpersonal relations. Taking into account modern understanding of truth as communicativeness and inter-subjectivity, the author introduces the concept "ethos of hermeneutics", which, along with "culture of rationality", should become one of the basic principles of ethos of science. The paper argues for the necessity to constitute ethical epistemology as a branch of social epistemology.

Key words and phrases: moral dimension; ethics; science; social institution; rationality; epistemology; culture; ethos of hermeneutics.

УДК 101.1:316

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.39>

В статье рассматриваются социально-философские и философско-антропологические аспекты нигилизма как социокультурной и духовной основы формирования среды революционного подполья и экстремистского сознания на материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы». На основе произведения рассматриваются последствия нигилизма в среде русской леворадикальной интеллигенции, его связь с антропологическим распадом, формированием нигилистического человека и экстремистским сознанием. Предлагаются типологизация нигилистических личностей революционного подполья и анализ структуризации социальных отношений между ними.

Ключевые слова и фразы: философия Ф. М. Достоевского; экстремизм; нигилизм; нигилистическая личность; антропологический распад.

Чудинов Сергей Иванович, к. филос. н., доцент

Соина Ольга Сергеевна, д. филос. н., профессор

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск
personally@ngs.ru; sabirov-soina@211.ru

**НИГИЛИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ И ЭКСТРЕМИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЕСЫ»)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-90001.

Несмотря на значительный академический интерес к экстремизму как острой социальной проблеме, в современном социально-гуманитарном знании сложилась ситуация, в которой данная тематика фактически оказалась ограничена рамками узкого социологического подхода. При этом понимание экстремизма в плане